

Атнер Хузангай

Чувашский Айхи: русский Айги

Atner Khuzangai

Chuvash Ayhi: Russian Aygi

Атнер Хузангай (независимый исследователь; кандидат филологических наук)
anvaska@mail.ru.

Atner Khuzangai (PhD; Independent Researcher)
anvaska@mail.ru.

Ключевые слова: двуязычие, ранний чувашский Айхи, русский Айги, физиологизм, мета-поэтика русского Айги

Key words: bilingualism, early Chuvash Ayhi, Russian Aygi, physiologism, metapoetics of Russian Aygi

УДК: 82.0+82-1+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_284

UDC: 82.0+82-1+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_284

В статье рассматривается самоидентификация чувашского поэта Геннадия Айги в русскоязычной среде Москвы, анализируется цикл его ранних стихотворений на русском языке «Начала полян», а также чувашские поэмы «Завязь», «Начало» как этап «перехода» на русский язык. В центре внимания автора — друзья-сподвижники Айги (художники, музыканты) из неофициального искусства и взаимодействие двух картин мира — русскоязычной и чувашской.

The article discusses self-identification of Chuvash poet Gennady Aygi in Russian-speaking environment of Moscow, analyze the cycle of his early poems written in Russian “Beginnings of the Clearings” and Chuvash poems “Ovary”, “Beginning” as a stage of transition to Russian language. In the center of attention are friends-associates of Aygi (painters, musicians) from uncensored, non-official art sphere and interaction of two world pictures — Russian-Language and Chuvash.

Языковое понимание как миропонимание.

Георг Гадамер

С начала 1960-х годов, когда стали появляться первые публикации Г. Айги за рубежом, и до самого последнего времени он был известен в мире по переводам (более чем на 50 языков) своих русскоязычных стихов и, соответственно, воспринимался как русский поэт. При этом чувашская составляющая его творчества почти не учитывалась, хотя некоторые исследователи отмечали присутствие чувашского субстрата в его стихах, написанных на русском [Paganì-Cesa 1983]. И всегда ощущалась его особость, непохожесть на других современников — скажем, Вознесенского, Ахмадулину, Евтушенко. Для последних легко подыскивали родословную, с Айги все обстояло сложнее: чувашское происхождение (мало кому известный народ с обособленным тюркским языком и своим огуро-оногуро-булгарским (< хунну ≈ гунны?) прошлым, невхождение в «бомонд» шестидесятников, «трудный случай языка» (А. Хаас), человек-поэт как «существо издалека» (М. Хайдеггер).

На чувашском языке Айги начал публиковаться с 1947 года и продолжал писать и переводить на чувашский вплоть до самой своей кончины. То есть он был поэтом-билингвом. Но сферы чувашского и русского языков и потенциальные адресаты его поэтического высказывания были различны.

Чувашско-русское двуязычие началось, когда Айги работал над поэмой «Чёрё тевё» («Завязь», 1954—1956) и представил ее как дипломную работу в форме переложения на русский язык в московском Литературном институте

имени М. Горького. Его мастера-наставники по институту Михаил Светлов и Виктор Шкловский одобрили этот опыт, а поэты Борис Пастернак и Назым Хикмет посоветовали ему писать на русском. Тогда, вероятно, Айги искал самоидентичности в языке. В каком? чувашском? русском? Ситуацию выбора сам поэт объяснял так:

Мой переход на русский язык был вызван несколькими причинами. Ограничусь приведением двух из них. Искусство для меня — область трагического. В то время, когда я становился как поэт, область трагического для меня находилась в сфере русского языка, — короче, на нем я мог высказаться «до предела», «до конца», «по существу». В юности, в решающие годы творческого становления, мы нуждаемся в особенных читателях, которых я назвал бы *читателями-сподвижниками*. Это — единомышленники в творческих исканиях, в стремлениях к новому в искусстве, — ищущие того же, что и мы, в других — соседних — областях искусства: художники, музыканты... После первой же книги моих стихов на чувашском языке я потерял таких друзей в Чувашии, — был совершенно одинок в дальнейших моих исканиях. Благодарение Богу, — я приобрел их в «левых» кругах, зародившихся в Москве в конце 50-х годов, — они и стали моими первыми читателями-сподвижниками. У нас была краткая эпоха *Пощечин общественному вкусу*, свои неписанные «манифесты». Не наша вина, что наша «будетлянская» юность не закрепились в наших *Садках судей*... Первыми моими *читателями-сподвижниками* были мои друзья: композитор Андрей Волконский, художники Владимир Яковлев, Игорь Вулох, Игорь Ворошилов. Стихи того времени во многом — переключки с ними, в них также есть немногие — и, думаю, негромкие — слова наших юношеских надежд... [Айги 2001: 22].

Но есть и еще одна социокультурная причина. Москва была, безусловно, метрополией по отношению к родной деревне Айги — Сеньял (Шаймурзино) Батыревского района на юго-востоке Чувашии. И потому чувашский поэт был вынужден принять язык метрополии. Такую ситуацию описывает Ж. Деррида в книге «Монолингвизм другого, или Протез первоначала» (1996): «Язык метрополии стал языком, замещением родного языка (и всего остального?) как языка другого. Париж всегда мог играть эту роль метрополиса... Ведь Париж еще и столица Литературы» (цит. по: [Ольшанский 2005: 61]). Айги в то время переводил французских поэтов на чувашский и мог только мечтать о Париже Бодлера, Верлена, Нерваля, вполне осознавая, что у него нет шанса когда-либо попасть туда. А Москва — он уже был в ней — тоже столица литературы, шире — искусства.

Непосредственно с русским языком Г. Айги стал работать при написании цикла «Начала полян» (1956—1959). Начала не в смысле конкретном, физическом как исходная точка, а как некое философское понятие «первоначало», то есть обычная лесная поляна осмысливается в качестве духовной категории. Позже такой же подход мы видим к Полю, Лесу, деревьям, цветам.

Начальной точкой «перехода» на русский язык сам поэт ставит 1960 год. Считается, что одним из первых стихотворений был «Снег»¹. Есть чувашская и русская версии этого текста.

1 В 1962 году стихотворение было опубликовано в газете «Polityka» (перевод на польский Виктор Ворошильского). Были также другие публикации в польской периодике. Благодаря этим публикациям имя Айги становится известным в Венгрии, Чехословакии, Германии.

СНЕГ

От близкого снега
цветы на подоконнике страны.

Ты улыбнись мне хотя бы за то,
что не говорю я слова,
которые никогда не пойму.
Все, что тебе я могу говорить:

стул, снег, ресницы, лампа.

И руки мои
просты и далеки,

и оконные рамы
будто вырезаны из белой бумаги,

а там, за ними,
около фонарей,
кружится снег

с самого нашего детства.

И будет кружиться, пока на земле
тебя вспоминают и с тобой говорят.

И эти белые хлопья когда-то
увидел я наяву,
и закрыл глаза, и не могу их открыть,
и кружатся белые искры,

и остановить их
я не могу.

[Айги 1982: 15]

Интересны эти версии (есть и другие параллельные версии, их мало — языки разошлись), потому что именно в это время шел выбор языка — изначальный выбор в условиях пограничной ситуации. Можно отметить многословие чувашского текста, в нем больше подробностей, и лаконичность русского. Если в чувашской версии словно происходит какой-то диалог между «Эп / Я» и «Эс / Ты», то русская более напоминает разговор с самим собой.

Но в этот же период и даже чуть раньше (середина — конец 1950-х) произошёл сдвиг в поэтическом сознании поэта, результатом чего явилось переключение чувашского языкового кода. Поэт искал свой язык и для этого вводил в стихи ощущения всех органов чувств (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус), они как бы сливались в одно впечатление на Ране-Лице, в Теле. Отсюда некоторый физиологизм этих ранних стихов. Так, может быть, ребенок познает мир, а мир сам, в свою очередь, всматривается в ребенка. «Я» (Его) поэта сжималось, свертывалось, желая защититься (поэмы «Чёрё тёвё» («Завязь»)),

«Пусламăшĕ» («Начало», 1957)² и некоторые тексты того же времени, примыкающие к ним), от внешнего мира он переходил к внутренней речи, говорению *для и про себя*. Высказывание не было ориентировано *вовне*, чувашезычная поэзия Айги как бы становилась *эгоцентрической* речью. В это же время поэт в русскоязычных текстах искал и находил важные для себя смыслы: «мир как творение», «человек — это дух», «первичная идея вещей», «искусство сфера трагического», «творящая сила естества» и др. Об этих смыслах по существу напрямую можно было высказаться на русском языке, ибо в чувашской словесности такой традиции просто не существовало, не было поэтики и способов выражения подобных смыслов. Хотя сам Айги писал:

В моем эстетическом воспитании, конечно же, многое связано с чувашской культурой. Я много раз мыслил об этом. И хочу коротко определить, чем я обязан чувашской культуре в своих эстетических представлениях, в своей поэтике. Прежде всего, это наверняка сказалось в том, что поэзия для меня неизменно — тот вид «действия» и «связи», который лучше всего выразить словом «священнодействие». С детства, еще не зная, что это называется «поэзией», я наблюдал вокруг себя именно эту ее «функцию». Позже я все более утверждался в мысли, что она нужна для «оперирования духовными силами», не исключая (а включая) и ту необходимость, что она нужна для «выявления и поддерживания родства» между людьми³.

И все же рождение поэта состоялось именно на этом чувашско-русском языковом пограничье. Как бы соответствуя постулату Деррида «Человек всегда находит себя одиноким в языке» [Ольшанский 2005: 61], в обоих языках Айги был одинок. В Чувашии, как он сам говорит, потерял собеседников, в сфере русского языка он сотворил *другой*, чужой, иноземный язык. Приведу интересное наблюдение друга Айги Антуана Витеза, актера, режиссера, поэта и переводчика: «Я узнал его в 76-м... Мы тотчас поняли и полюбили друг друга. Я был поражен его азиатским лицом и его акцентом, который не походил на русский, на провинциальный, но был истинно иностранным, чувашским акцентом»⁴.

Айги не противостоял советскому режиму идеологически или политически, он не был диссидентом. Но он не принимал советскую культуру, литературу и соцреализм тем более по этическим и эстетическим соображениям. О своем понимании искусства он высказывался, например, так: «...если бы мне позволено было сказать свое мнение, где же искать основную ценность будущего искусства (конечно, опять-таки в том случае, если оно вообще возможно), я бы сказал: в человеке в кьеркегоровском понимании»⁵. Это вело и к «стилистическим разногласиям» (А. Синявский) с современной ему советской поэзией, и до середины 1980-х годов прошлого века ни одного его стихотворения на русском языке не было опубликовано в нашей стране.

Вообще можно сказать, что до конца 1980-х существовало два разных поэта: АЙХИ и АЙГИ. У нас он был известен как чувашский поэт, переводчик-

2 Обе поэмы были опубликованы в полном объеме на чувашском языке лишь в 1975 году. Их фрагменты на русском языке в авторском переложении включались поэтом в свои книги: *Айгу Г. Стихи 1954—1975* / Ред. и вступ. статья В. Казака. Munchen: Sagner, 1975. S. 16, 17; см. также: [Айги 1982: 364, 491].

3 *Айгу Г. Стихи 1954—1975*. S. 195.

4 *Vitez A. Aïgui le Tchouvache // Libération*. 1984. 2 mai. P. 38.

5 *Айгу Г. Стихи 1954—1975*. S. 200.

составитель антологий «Поэты Франции» (1968), «Поэты Венгрии» (1974), «Поэты Польши» (1987), в Европе, мире — как энигматический (метафизический) русский поэт или даже как «экстраординарный поэт современного русского авангарда» (Р. Якобсон)⁶, по более широкому определению Жака Рубо: «...самый своеобразный голос в современной русской поэзии и самый необычный голос в мире»⁷. Но и на Западе, когда речь заходит об Айги, то тут же приводятся сведения об истоках и корнях чувашской культуры. Впрочем, такова была и позиция самого поэта. Когда корреспондент и переводчик Айги из Бразилии обратился к нему с просьбой дать сведения о его поэтической концепции и о том, что он думает о проблемах творчества, он получил ответ,

который сначала разочаровал меня: большой пакет с исторической информацией о чувашах и их литературе. При первом контакте поэт почти не говорил о себе, он хотел прежде всего рассказать о своем народе, который так мало известен у нас. И только потом, размышляя на эту тему и перечитав некоторые высказывания Сартра об интерсубъективном, субъективном, которое объективируется, и о широте понятия национальной культуры, как в случае с негритудом, я понял, что эта позиция поэта точно соответствует точке зрения Сартра на эту проблему. Поэт, который так связан с модернизмом, который избегает всяческих издержек «экзотики» и «местного колорита», настаивал на том, чтобы напомнить своему корреспонденту о «чувашитюде», если можно так сказать. [Он] вводит свой народ в свои стихи гораздо более ценным и оригинальным образом: революционизируя синтаксис русского поэтического языка и создавая произведения нового климата... который передает видение мира, отличное от всего написанного на русском языке...⁸

Когда в конце 1980-х годов Айги стал публиковаться в нашей стране и на русском языке (его зарубежные публикации, в том числе и две книги, а также самиздат, были, конечно же, известны очень узкому кругу читателей), споры вокруг Айги в чувашской писательской среде возобновились. И было некоторое умолчание в российской критике.

Сам поэт как будто говорил: «...писал стихи на чувашском языке, чтобы только поддерживать статус чувашского поэта». Или, как вспоминает Наталья Азарова:

Чувашско-русская тема возникла и на последнем вечере — Айги говорил, что поэт имеет право покинуть свою культуру. Он имел в виду, что не пишет стихов на чувашском языке. Отвечая на мой вопрос, он сказал, что его переводы на чувашский, в частности, французской поэзии — это такая индульгенция, чтобы культура простила за то, что он не пишет по-чувашски⁹.

Думаю, что это совершенно неверно. Айги всегда испытывал уважение к традициям, обычаям, культуре и языку «сельских и полевых людей», как он иногда называл чувашей. И писал на чувашском до последних дней. А работа по переводу французской, венгерской и польской антологий прежде всего была

6 *Jakobson R.* Message sur Malevitch // *Change*. 1976. No. 26—27. P. 7.

7 *Roubaud J.* Aïgi le Tchouvache // *Le Monde*. 1990. No. 14110. P. 2.

8 *Schnaiderman B.* A importância de ser tchuvache // *O estado de S. Paulo*. 1971. 11 avg.; 18 avg. (Suplemento literario).

9 *Азарова Н.* Возвращение к Айги // *ЛИК*. 2012. № 4. С. 123.

вызвана любовью к этим культурам и к отдельным поэтам — Бодлеру, Максиму Жакобу, Рене Шару, Пьеру Эммануэлю, Эндре Ади, Миклошу Радноти, Яношу Араню, Камилу Циприану Норвиду, Болеславу Лесьмяну, Кшиштофу Камилу Бачинскому и др. Они были его собеседниками в трудные времена, духовной поддержкой. То же самое можно сказать и о переводах из шведской и шотландской, бретонской поэзии. Кроме того, это было желание привить чувашской словесности новые ростки, иное мировидение.

И все же существовал двуликий АЙГИ-ЯНУС. Одним лицом он был обращен к чувашскому, другим — к «воскрешению Слова» в лоне русского языка или к будущему (как это определяет Владимир Новиков: «...смог положить начало русскому стиху двадцать первого века и третьего тысячелетия» [Новиков 2001: 14]). Значит ли это, что «чувашское» было для Айги только прошлым, архаикой? Нет, оно постоянно оживает в его сознании, чувашский background чувствуется в его русских стихах. Иногда это непосредственное трагическое переживание: «Не снимая платка с головы, // умирает мама, // и единственный раз // я плачу от жалкого вида // ее домотканого платья» («Смерть», 1960 [Айги 1982: 13]). Позднее «чувашское» становится темой *à la recherche du temps perdu* (поисков утраченного времени), или, как это определял кумир раннего Айги Бодлер: «Прошлое, сохранив всю притягательность миража, обретет наконец светозарность и подвижность, свойственные жизни, и станет настоящим»¹⁰.

Иногда Айги говорил о себе, что он «чувашский поэт, пишущий на русском языке». По причине его билингвизма и чтобы прояснить оба лика Айги-Януса, обратимся к понятию наивной картины (модели) мира. «Идея наивной модели мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1995а: 629]. И еще: «Способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так как носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995б: 350—351]. Значит, существуют русскоязычная и чувашеязычная картины мира, общие для носителей этих языков. Но Айги отвергает коллективную обязательность и «вырезает» для себя личную наивную картину мира («окно Духа»), в меньшей степени в чувашском языке и в большей в русском языковом пространстве. Если в своих ранних стихах на русском языке («Начала полян») он еще придерживался норм общего языка в грамматике, пунктуации и слова обозначали то, что они обозначают для любого носителя русского языка, но постепенно он *присваивает* этот язык и создает свою личную сферу говорящего (поэта), оперируя в основном сдвигами в синтаксисе и семантике, а для акцентирования ритмической композиции отдельного стихотворения Айги начинает использовать собственную систему знаков пунктуации (отсутствие точек и запятых, особое употребление тире, дефиса, скобок) и пробелов.

Выше было сказано, что в период переключения языкового кода в стихах Айги преобладает физиологизм, точнее говоря, физические восприятие и действия, состояния (голод, жажда, желание — плотское влечение, суицидальные

10 Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе / Сост., вступ. статья Г.К. Косикова. М.: Высшая школа, 1983. С. 442.

мотивы и др.), реакции на внешние и внутренние воздействия. Приведу только три примера с подстрочным переводом:

*П|чченлѣх сывлѣшѣ таса.
Таса та — йывѣр...
Эпѣ хам
Ку юратушѣн хампалан
Хам татѣлп.*

Воздух одиночества чист.
Чист и тяжел...
Я сам
За эту любовь с собой
Сам рассчитаюсь¹¹.

*Кусем сѣс юлчч=р!.. Хам эп пулам
В|с-х|рс|р пыс=к кус!*

Пусть останутся только глаза!.. Я буду сам
Огромным, всепоглощающим глазом!

*Анчах п у с л а м ѣ ш ѣ — ялан
сапла вѣл...
<...>
Чун сѣс -и, — ун чухне кашни
сисев тьмарѣ таранчѣн,
й ѣ л т кисренет этем...*

Но н а ч а л о — всегда
таково...
<...>
Разве только душа, — тогда
до кончиков нервов
в е с ь человек содрогается¹²

Но через эту физиологическую чувственность лирический герой мучительно ищет любовь, чистоту, гармонию. В дальнейшем в чувашезычную картину мира Айги входят образы поэтов (Блок, Митта, Элюар, Иванов, Сеспель, Пастернак, Паруйр Севак, Рене Шар и др.), аллюзии из мира искусств (например, рембрандтовская Саския), музыка как стихия (Бетховен, Моцарт, Вивальди, Бах, Шуберт), размышления о назначении поэта. Основными категориями его поэтики становятся гармония, красота (*килѣшѣне илем*), высота духа (*чун сѣллѣшѣ*), чудо света (*кѣтрет сѣти*), его поэзия становится все более просветленной, прозрачной. Сравнения и метафоры берутся уже не из мира природы, а строят-

11 Чувашиский оригинал цит. по: Айхи Г. Атгесен ячѣпе. Шупашкар: Чѣваш АССР гос-во изд-ви, 1958. С. 48.11

12 Чувашиские оригиналы цит. по: Айхи Г. Чѣрѣ тѣвѣ: Сѣвѣсемпе поэмѣсем. Шупашкар: Чѣваш кѣнеке изд-ви, 1975. С. 25, 84.

ся на основе культурных реминисценций. Много посвящений как чувашским айгистам, так и поэтам «поколения отцов». Поэзия Айги становится все более нравственно-эстетической, с полным пониманием ответственности художника.

Но он также думает о том, что человек должен стать личностью: быть человеком = быть самим собой (в понимании Кьеркегора). Недаром в его — программной на тот момент — книге «Чёрё тевё» («Завязь») один раздел так и называется: «Этем пёлтерёшё» («Значенье человека»).

Что касается русскоязычной картины мира у Айги, то об этом писалось много исследователями из разных стран. Он стремился к будущему «воскрешенному Слову»,

в поэзии, от «поэтических воспринимателей», это требует — в новых условиях — восстановления их связи со вселенной-домом и с жизнью-братством, как в древнем — давнем — глубоком накале того, что называлось *Истиной*... ..это можно было бы назвать реализмом существенного, *экзистенциальным реализмом*. <...> И нам придется всерьез — в большой и широкой общности — начать разговор о *новой эстетике скептического гуманизма* с его новым опытом, — во имя обновленного *прияття жизни* [Айги 2001: 145].

Тогда поэтический язык станет опять творящим, подобно словам молитв и заклинаний. Это, может быть, некая утопическая мечта о времени, когда «Слово создавало Богов» (С. Малларме). В таком понимании поэтический язык является наиболее полным воплощением потенций и реализаций языка национального.

Известно, что Кьеркегор установил три стадии, «сферы существования»: эстетическая, этическая и религиозная. Мне кажется, что эволюция чувашскоязычной картины мира у Айги показывает, как он проходил эстетическую и этическую стадии, а в русскоязычной версии Айги достигает религиозной стадии¹³.

Две картины мира — два лика АЙГИ-ЯНУСА, но они взаимодействуют, они взаимодополнительны. И все же это разные пространства смыслов. Но в его русских текстах просвечивают чувашские «элементы» и архетипы, некие духовные силы, мифологемы, скрытые чувашские реалии и опять же чувашские «воспоминания». Поэтика его русских текстов «надстраивается» на чувашской почве и потому является метапоэтикой. От чувашского сеньялского Праполя Айги восходит к «полям в Небе».

О том, как АЙХИ соотносится с АЙГИ, интересное суждение высказал Улдис Берзиньш. *Айхи* он называет «God's Scribe in the Chuvash language» («Писарь Бога на службе чувашского языка») ¹⁴ и высоко оценивает его работу по составлению «Антологии чувашской поэзии» по линии ЮНЕСКО. *Айги* же он называет «минималистским гением русского авангарда». У. Берзиньш решает противоречие между АЙХИ и АЙГИ следующим образом:

Я слышал от кого-то, почему Айги был столь «озабочен» получением Нобелевской премии: эта премия помогла бы выжить чувашскому народу. По-моему, как раз наоборот: это Айхи завоевал почетное звание писаря Бога для русского модернистского поэта Айги [Berziņš 2012: 31, 35].

13 Подробнее о трех стадиях см.: *Быховский Б.Э.* Кьеркегор. М.: Мысль, 1972. С. 137—171.

14 Паруйр Севак, армянский поэт и друг Г. Айги, определял назначение поэта близким образом: «А я стал бы поэтом / Новым секретарем / Бога ветхозаветного» (*Севак П.* Избранное / Пер. с арм. В. Микушевича. М.: Художественная литература, 1975. С. 168).

Таким парадоксальным образом подчеркнута единство личности поэта: *без чувашского Айги не было бы и русского Айги.*

Таков парадокс АЙГИ-ЯНУСА: он сотворяет русскую поэзию, оставаясь чувашом, и пишет чувашские стихи, ощущая себя гражданином мира.

Библиография / References

- [Айги 1982] — *Айги Г.* Отмеченная зима. Собрание стихотворений в двух частях / Изд. подгот. В.К. Лосская; предисл. П. Эммануэля. Fontenay-aux-Roses: Syntaxis, 1982.
- (*Aygi G.* Otmehennaya zima. Sbranie stikhotvoreniy v dvukh chastyakh / Prep. by V.K. Losskaya; introd. by P. Emmanuel. Fontenay-aux-Roses, 1982.)
- [Айги 2001] — *Айги Г.* Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи / Сост. Г. Айги и А. Мирзаев; предисл. В. Новикова. СПб.: Лимбус Пресс, 2001.
- (*Aygi G.* Razgovor na rasstoyanii: Stat'i, esse, besedy, stikhi / Comp. by G. Aygi and A. Mirzaev; introd. by V. Novikov. Saint Petersburg, 2001.)
- [Апресян 1995а] — *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 629—650.
- (*Apresyan Yu.D.* Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model yazyka // Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy: In 2 vols. Vol. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moscow, 1995. P. 629—650.)
- [Апресян 1995б] — *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348—388.
- (*Apresyan Yu.D.* Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy: In 2 vols. Vol. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moscow, 1995. P. 348—388.)
- [Новиков 2001] — *Новиков В.* Больше, чем поэт. Мир Геннадия Айги // Айги Г. Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи / Сост. Г. Айги и А. Мирзаев; предисл. В. Новикова. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 5—14.
- (*Novikov V.* Bol'she, chem poet. Mir Gennadiya Aygi // Aygi G. Razgovor na rasstoyanii: Stat'i, esse, besedy, stikhi / Comp. by G. Aygi and A. Mirzaev; introd. by V. Novikov. Saint Petersburg, 2001. P. 5—14.)
- [Ольшанский 2005] — *Ольшанский Д.А.* Протез языка у Жака Деррида // Критическая масса. 2005. № 3/4. С. 60—64.
- (*Olshanskiy D.A.* Protez yazyka u Zhaka Derrida // Kriticheskaya massa. 2005. No. 3/4. P. 60—64.)
- [Berziņš 2012] — *Berziņš U.* Chuvash Indigenous Poetry: Aihni versus "Aigi" // Returning Souls and Rambling Thoughts: Qinghai International Tent Roundtable Forum of Aboriginal Poets. An Anthology of Essays and Poems. Xinan: Qinghai renmin chubanshe, 2012. P. 31—35.
- [Pagani-Cesa 1983] — *Pagani-Cesa G.* Note per uno studio del mondo ciuvasco nella Poesia di Gennadij Ajgi // Oriente Moderno. 1983. Vol. LXIII. P. 127—148.